

108

Постройки Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой, возведенные в XVI–XVII веках

7. Век для Вологды тяжелый и славный (XVII век)

«Смутное время» — так характеризовали современники период конца XVI — первых двух десятилетий XVII века. Таковым он остался и в памяти последующих поколений. Действительно, вряд ли можно подобрать эпитет более точный и содержательный для характеристики этой тяжелой, лихой години, а точнее было бы сказать — безвременья. Династический кризис, последовавший за смертью Ивана Грозного (1584 год), и изматывающая борьба за власть между различными кремлевскими политическими группировками привели к полному разрушению старого государственного порядка Московского царства. Вскоре к внутривнутриполитическим неурядицам прибавились и другие бедствия. Затяжной хозяйственный кризис, охвативший большую часть страны в последней четверти XVI века, завершился небывалым, просто катастрофическим неурожаем 1601–1603 годов. Голод и эпидемии накалили обстановку в стране: вышли из-под контроля южные и юго-западные «украины» (пограничные области Российского государства), усилились волнения и беспорядки в центральных уездах страны и Поволжье. Непопулярное у большинства русских людей правительство, возглавляемое бывшим опричником, зятем ненавистного палача Малюты Скуратова царем Борисом Годуновым, к 1604 году полностью исчерпало доверие к своей политике. Польско-литовские магнаты, составлявшие правительство Речи Посполитой — могущественного государства на западном и юго-западном порубежье России, — очень внимательно наблюдали за развитием ситуации в «Московии». Они сделали ставку на беглого боярского сына, чернеца-расстригу Григория

109

Отрепьева, который называл себя «чудесно» спасшимся царевичем Димитрием (погиб в 1591 году), младшим сыном Ивана IV — «законным» наследником русского престола. Началась эпоха самозванцев, которая вкуче с иноземным вмешательством в русские дела, мощными выступлениями «низов» русского общества, обернулась войной «всех против всех».

Обстановка в северных городах и уездах Российского государства в начальный период Смуты оставалась относительно спокойной. Заволжье и Поморье жили своей самостоятельной жизнью. Хозяйственные неурядицы затронули северян в несколько меньшей степени, чем другие регионы страны. Цены на хлеб в голодные годы возрастали, конечно (бывало, в несколько раз), но вологжан выручали старые запасы, да и город был торговый, транзитный. Всегда можно было перекупить излишки хлеба у заезжих купцов. Продолжались торговые операции с границей по Двинскому пути. Спокойно отреагировали вологжане и тотмичи, устюжане и сольвычегодцы и на воцарение Лжедмитрия I. В период короткого правления первого самозванца большинство северных монастырей и торговые гости, зажиточные крестьяне и корпорации промысловиков спешили подтвердить у нового царя свои «исконные» права на земельные и иные владения, налоговые льготы.

Ситуация изменилась во время правления Василия Шуйского, утвердившегося на русском престоле после свержения и убийства первого самозванца (17 мая 1606 года). Положение нового царя было довольно шатким. Правящий клан Шуйских также не устраивал очень многих как в столице, так и на окраинах государства, а потому очень скоро началось мощное движение окраинных земель, кульминацией которого стал поход на Москву военных отрядов под предводительством И. И. Болотникова. Острая необходимость в надежных воинах и деньгах вынуждала царя неоднократно требовать «даточных» людей и средства на ведение войны с Вологды и других поморских городов. Обстановка стала еще более серьезной с разворачиванием новой «польской интриги», центральным персонажем которой стал новый самозванец — Лжедмитрий II. Осенью 1608 года самозванец, получивший в подкрепление отряды мятежных казаков и войско Речи Посполитой, стоял уже в 17 километрах от Москвы — в местечке Тушино. В стране образовалось двоевластие. Отряды «Тушинского вора», захватив практически все Подмосковье, Замосковский край, Заволжье, Псков и пригороды Новгорода, готовились к решающему штурму самой столицы...

110 Царь Лжедмитрий I — Григорий Отрепьев, первый самозванец на русском престоле. Гравюра XVII века

111 Печать Лжедмитрия I — «Дмитрий Иванович, Божею милостию царевич московский». Гравюра XVII века

В случае захвата северные поморские земли стали бы для интервентов и «русских воров» настоящим «золотым дном». Отсюда можно было черпать деньги и припасы для своих войск, здесь же можно было скажочно обогатиться, нажившись на грабежах не затронутых войной городов и волостей. Осенью 1608 года в Вологде из-за военных действий в Поволжье и под Москвой застрял чуть не весь иностранный ввоз последней навигации, скопилось множество русских товаров. Предводителя поляков Яна Сапегу «знающие люди» не раз извещали о том, что в Вологде — самом богатом поморском городе — «много куниц и соболей, и лисиц черных и всякого дорогого товару и пития красного»; что на Вологде лежит товар «английских немцев»; там «собрались все лучшие люди, московские гости с великими товарами и с казною, и государева казна тут на Вологде великая от корабельные пристани, соболи из Сибири и лисицы и всякие фурты (меха. — Р. Б.)».

Голландский купец Исаак Масса, оказавшийся в 1608—1609 годах в Вологде, позднее в своих знаменитых записках («Краткие известия о Московии в начале XVII века») оставил весьма ценные воспоминания о пережитом. Он писал:

«Еще во время осады Москвы ... Вологда перешла на сторону Дмитрия ... и из главного лагеря мятежников был прислан туда в Вологду правителем Федор Ильич Нащокин, большой негодяй и низкого происхождения; три дня спустя прибыл на место дьяк Иван Веригин Коверниев, и он намеревался запечатать все купеческие товары, но владельцы не допустили его до этого... И новый воевода призвал всех жителей, чтобы они приняли царем Дмитрия и принесли ему присягу...».

Однако вскоре, по свидетельству автора «Кратких известий», «испытав злодейства и насилия» тушинцев, «вологжане весьма раскаивались в том, что перешли к Дмитрию и присягнули ему, и начали размышлять о своем непостоянстве». Восстановив в должности прежнего воеводу Никиту Михайловича Пушкина и дьяка Романа Макаровича Воронова, вологжане «с великим ожесточением устремились из крепости к дому Булгаковых, где пребывал новый воевода, и приставили к нему стражу и захватили силой Нащокина, Веригина и всех поляков и пленных, бывших в Вологде, снесли им головы и вместе с трупами бросили с горы в реку Золотицу, куда сбежались свиньи и собаки и пожарили трупы людей, на что нельзя было смотреть без отвращения. И так они (вологжане) снова перешли на сторону Москвы и поклялись между собою оставаться верными Москве и московскому царю и стоять за него до последней капли крови.

Когда это известие дошло до Москвы, то это было для москвитов радость, что есть еще люди, готовые стоять с ними заодно, и царь отправил в Вологду дружественную грамоту, в которой благодарил жителей за всё...».

Масса И. Краткие известия о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 176—177.

Из послания нижегородцев в Вологду
(1612 год):

«Ныне мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сослався с Казанью и со всеми понизовыми города и с поволскими, собрався со многими ратными людьми, видя Московскому государству и верховым городам от польских и литовских людей конечное разоренье, прося у Бога милости, идем всеми головами своими в помощь к Московскому государству... И вам бы, господа, вологодским дворяном, и детям боярским, и стрельцом и всяким ратным людям, помнители общее свое, на чем мы все Животворящий крест целовали, чтоб было за нам за надежи нашия Пресвятыя Богородицы и за целебносные мощи великих московских чудотворцев, и за непорочную христианскую веру против врагов наших, польских и литовских людей, до смерти своей стояти и ныне бы идти на литовских людей всем вскоре до тех мест, покаместа ратные люди стоят, чтобы литовские люди Московскому государству конечная погубели не навели, верховых бы городов и понизовых и досталь не разорили... А самем вам известно, что к дурну ни к какову, покровеньем Божиим, по ся места мы не приставали, да и вперед дурна никакого не похотим; а однолично б вам с нами быти в одном совете и ратным людям на польских и литовских людей идти вместе...».

Светлояр / Сост. В. М. Шамшурин.
М., 1988. С. 52–53.

Свечи перед древним образом Дмитрия Прилуцкого. Фотография 2001 года

В это непростое время вологжанам вместе с жителями других северных и поволжских городов и уездов предстояло снова сделать свой выбор. Тушинцы приложили немало усилий, чтобы взять под свой контроль Вологду. Город был ключом ко всему Поморью. Кроме того, приверженцы «царя Дмитрия» полагали (и не без оснований), что в Вологде их ждет богатая добыча. Не имея достаточных сил для обороны города, вологжане (как и тотьмичи) под угрозой полного истребления вынуждены были присягнуть Лжедмитрию II. Однако присяга оказалась недолговечной. Узнав о неслыханных доселе поборах и грабежах «панов» и «русских воров» в Ярославле и других городах, занятых тушинцами, вологжане вскоре окончательно определились в своих политических предпочтениях: в ноябре 1608 года в городе были арестованы и истреблены представители «Тушинского вора» и поляки, а 9 февраля 1609 года Вологда приняла воевод Григория Бороздина и Никиту Вышеславцева, присланных «со многую силою» в помощь городу от Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (племянника царя). Последний уже долгое время находился в Новгороде, где руководил сбором сил для освобождения от поляков всей страны. Между Скопиным, сидевшим в Новгороде, и городами Поморья существовала отныне прямая связь и четкое взаимодействие.

Вологда стала центральным пунктом военных операций на Севере и Поволжье. Именно под стены вологодской крепости подходили военные силы устюжан, двинян, тотьмичей, вычегодцев и «иных многих городов». На дальние рубежи Вологодского уезда высылались усиленная стража, возводились многочисленные острожки «для осадного сидения», наиболее опасные участки перекрывались завалами векового леса — засеками. Постоянно укреплялся и сам город. Особо подчеркнем народный, земский в своей основе, состав северных дружин. Так, составляя грамоту в Тотьму об успехах ополчения, вологжане представлялись в ней следующим образом: «Все вологодские посадские и волостные лутчие и средние и молодшие людишки и вся чернь челом бьют...». Вологжане стремились заручиться также

поддержкой преподобного Димитрия Прилуцкого, почитавшегося покровителем города. «А зде на Вологде, — повествует один из источников того времени, — преподобный Димитрий милость свою явил, обещался с нами на врагов государевых стояти. Явился духовному старцу у гробницы, велел образ свой от гробницы принести на Вологду...». 4 января 1609 года, до прибытия основных воинских сил из Новгорода, «тот образ архиепископ (Иоасаф. — Р. Б.) и воевода со всем вологодским народом и с иногородными стретив с великою честью, и со слезами, и с молебным пением поставили на Вологде на площади, у Всемилоствитого Спаса в церкви». Согласно обычаю того времени, вологжане обещались «миром (всем городом. — Р. Б.) храм соорудити на Вологде на площади». Можно отметить, что вологжане обещание исполнили — придел Димитрия Прилуцкого и позднее существовал в Никольской церкви на Сенной площади Вологды.

Освободив осенью—зимой 1608—1609 годов территории своих уездов от тушинцев, ополчения северных городов оказали активную помощь восставшим Замосковного края. В конце января 1609 года из Вологды было направлено к Костроме объединенное ополчение под руководством Никиты Вышеславцева; в апреле того же года вологжане бились с тушинцами под Ярославлем. К августу 1609 года были очищены от отрядов самозванца Ярославль и Кострома с уездами, а 12 марта 1610 года объединенные силы земских ополчений торжественно вступили в Москву. Однако до полной победы было еще далеко. Еще в августе 1609 года Речь Посполитая начала открытую интервенцию против России. 17 июля 1610 года Василий Шуйский был свергнут с престола и пострижен в монахи. Поляки вновь стали полными хозяевами положения не только в столице, но и в северных городах. В Вологде, Устюге, Сольвычегодске сидели ставленники Сигизмунда III...

В феврале 1611 года, когда началось новое движение по созданию Первого ополчения, северные города вновь активно откликнулись на призыв рязанского воеводы Прокопия Ляпунова и приняли участие в военных действиях под Москвой. Были вологодские, устюжские, тотемские, сольвычегодские ратники и в составе Второго — нижегородского — ополчения, созданного Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским. Не забудем и то, что во время создания ополчений города Севера вносили немалые денежные и иные средства на нужды освобождения страны.

В последний период Смуты (1612—1619 годы) на Вологду и Вологодский уезд обрушились самые тяжелые испытания. В конце августа 1612 года, после поражения корпуса гетмана Карла Ходкевича под Москвой, отряды поляков, литовцев, черкас (малороссийских казаков) и бывших тушинцев устремились на Север с целью грабежа богатых поморских городов. Кроме того, уже в июне — начале августа отдельные «воровские» шайки казаков хозяйничали в Белозерье: опустошили и разграбили Белозерск, неоднократно подступали к стенам Кирилло-Белозерского монастыря.

22 сентября 1612 года пришла война и в Вологду — к городу неожиданно, «изгоном» подошел вражеский отряд. В это время главные силы вологодского ополчения во главе с воеводой Федором Нашокиным были стянуты к Москве, а немногочисленный гарнизон крепости напрочь забыл об осторожности: отсутствовали караулы на башнях и стенах, не было пороха для пушек, и даже ворота крепости оказались по нерадению начальства открыты. Вологда была обречена: беспрепятственно пройдя укрепления, враги в течение трех суток жгли город и посады, грабили и убивали обывателей. В памяти народной эти события получили четкую оценку, выразившуюся в записанной В. И. Далем поговорке: «Пропили город Вологду воеводы». Сильно пострадали в Смутное время и окрестности Вологды: были сожжены и разграблены многие деревни и села, Спасо-Прилуцкий монастырь.

В первом ряду грешников, идущих в ад — вооруженные люди в западноевропейской одежде XVII века. Фрагмент фрески «Страшный суд» на западной стене Софийского собора в Вологде. 1686—1688 годы

Из отписки архиепископа Вологодского Сильвестра «государства Московского боярам и воеводам»:

«В нынешнем, господа, в 121 (7121, то есть 1612 — Р. Б.) году, сентября в 22 день, с понедельника на вторник на останошном часу ноци, грех ради наших и всего православного христианства, раззорители истинныя нашея православныя веры и креста Христова ругатели, польские и литовские люди и черкасы и козаки и русские воры пришли на Вологду безвестно изгоном и город Вологду взяли и людей всяких посекали и церкви Божия опоругали и город и посады выжгли до основания, а стольник и воевода Иван Одоевский ушел и ныне в Вологодском уезде; а окольникового и воеводу Григорья Долгорукаго и дьяка Истома Карташева убили; а меня, грешнаго, взяли в полон и держали у себя четыре ноци, и многажды приводили к казни, и Господь надо мною, грешным, смилосердовался, едва жива отпустили.

А как польские и литовские люди и черкасы и козаки и русские воры пришли к Вологде и, грех ради наших, воеводским нерадением и оплошеством от города отъезжих караулов, и сторожей на башнях, и на остроге, и на городской стене головы и сотников с стрельцами, и у снаряду пушкарей и затинщиков не было; а были у ворот немногие люди, и те не слышали, как литовские люди в город вошли, а большия ворота были не замкнуты.

А как, господа, польские и литовские люди и черкасы и русские воры город пожгли и людей посекали, пошли с Вологды сентября 25 числа, и ныне, господа, город Вологда — зженое место, окрепите для насады и снаряд прибрати некому; а которые вологжане жилицкие люди утеклецы в город сходиться не смеют... Вам бы, господа, воеводу крепкого прислати и дьяка. А все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы».

Любопытный письменный памятник 1613 года // Вологодские губернские ведомости. 1839. № 3. С. 19—20.

В 1617 году в семье вологодского торговца холстами Демида Акундинова (Анкудинова) родился сын Тимофей. Событие, казалось бы, вовсе непримечательное, однако позже именно о Тимофее царь Алексей Михайлович рассылал письма к европейским государям с просьбой «передать вышеозначенного арестанта и нашего изменника ... нашим подданным, и ... переслать его к нам...». Прогневил царя Акундинов тем, что пополнил собою число столь популярный в ту эпоху самозванцев.

Внешность вологодского авантюриста описывали так: «волосом чернорус, лицо продолговатое, нижняя губа поотвисла немного», имел «добрые способности и выдающийся ум», к тому же хороший голос. Современник событий немец Адам Олеарий писал, что в детстве «Тимошка скоро научился читать и красиво писать, и достиг, стало быть, высшей степени русской образованности». Покровитель юнши дьяк Иван Патрикеев устроил его в один из московских приказов. Здесь поначалу он проявлял усердие по службе и дослужился до должности подьячего.

Однако вскоре Тимофей «подружился со скверными товарищами», прогулял все свои деньги и еще сто рублей государевых. Боясь наказания за растрату, ложь, «и за мужеложство с мальчиками, в котором его часто заставляли», а возможно, и за дружбу с бывшим тогда в опале Патрикеевым, он сжигает осенью 1643 года свой московский дом вместе с находящейся в нем собственной женой и бежит в Польшу.

За границей Акундинов выдает себя за сына или внука царя В. И. Шуйского, иногда же называется князем Тимофеем Великопермским или Иваном Каразейским, вологодским воеводой. Гетман Богдан Хмельницкий, трансильванский князь Ракоци, шведская королева Христина поочередно попадались на удочку самозванца, но как только появлялся русский посол или московский купец, избалованный обманщик скрывался. Так лже-Шуйский побывал в Крыму, Турции, Запорожье, Венеции, Риме, Австрии, Трансильвании, Швеции, Лифляндии, Брабанте, Виттенберге, Голштинии. Отказавшись от православия, принимал веру мусульманскую, католическую, протестантскую; выучил латинский, итальянский, турецкий и немецкий языки. Не лишен был Акундинов и литературного дарования. Однако в 1653 году в Нейштадте самозванец был пойман и отправлен в Россию. В пути «он придумывал разные средства, чтобы лишиться себя жизни», но был доставлен в Москву и после пыток публично четвертован перед Кремлем.

Главная вина Тимофея, по словам посланного на Запад для его поимки царского дворянина Петра Протасьева, состояла в следующем: «Если бы этот вор в царское имя не влггался, то царскому величеству до него и дела бы не было; много и знатных людей, изменяя, из Московского государства бегают, но так как они называются своим настоящим именем, то живут себе спокойно в Польше, и великому государю до них дела нет».

Составлено по: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 242–253.

Город после разграбления долго представлял собой полупустое пепелище. Слишком пагубны были последствия Смуты. Даже спустя полтора десятилетия (в 1627 году) более трети посадских и иных городских дворов в Вологде либо числились без жильцов, либо вообще отсутствовали — чернели «зженным» местом. Среди «тяглых» дворов вологжан преобладали, по налоговой классификации того времени, «худые», а большинство горожан было записано государевыми чиновниками в «мелкоту» — бедноту, вовсе «не пригодившуюся в тягло». На темпах восстановления города сказывалось и то, что вплоть до конца 1620-х годов вблизи Вологды было неспокойно: отдельные небольшие отряды «воров» грабили население ближайшей округи; много времени и средств уходило и на поимку «лихих людей», разбойничавших на Сухоне.

Однако время постепенно брало свое: стучали топоры, отстраивались новые дома и церкви, возвращались беглецы. Население города к 1627 году насчитывало более четырех тысяч человек и, видимо, вскоре вышло на «довоенный» уровень. Дальнейший рост населения Вологды был обеспечен прежде всего за счет высоких темпов хозяйственного развития. По подсчетам современных исследователей, уже к середине XVII столетия по числу дворов наш город занимал четвертое место среди богатых торговых центров Замосковья и Поволжья. Еще более впечатляют успехи, достигнутые вологжанами к концу семидесятих годов XVII века. По переписи 1678 года Вологда числом дворов (1420 дворов) уступала только Москве (4845 дворов) и Ярославлю (2236 дворов). Уже к началу XVIII века число горожан превысило десять тысяч.

Жители Вологды XVII века относились к нескольким сословиям и сословным группам. В городе проживали служилые люди «по отечеству» — дворяне, которым, например, в 1627 году принадлежало 142 двора. Служилые люди «по прибору» (стрельцы, воротники, дьяки и подьячие) насчитывали в то же время около 130 человек. Особую группу служилых людей составляли ямщики и «розсыльщики», проживавшие, как правило, в ямских слободах при выезде из Вологды, на Московской и Кирилловской дорогах. Отдельную, весьма многочисленную, группу населения образовывало духовенство. В городе также проживало большое число посадского населения, помещичьи и архиерейские крестьяне и холопы. Некоторые из них имели в городе свои лавки или занимались промыслами. Среди ремесленников особенно многочисленными были кузнецы (в 1627 году в городе имелось около 50 кузниц), кожевники, иконописцы. В документах упоминаются также хлебники, овчинники, дегтяри, прядильщики, серебряники, сапожники, плотники и другие — всего около 50 (!) специальностей.

Город славился своими мастерами. Именно они — жители вологодских ремесленных слобод — во многом обеспечивали торговые и культурные связи Вологды с другими городами и регионами страны. Так, например, вологодские иконописцы приглашались для работ по росписи храмов и палат Московского Кремля, Архангельского собора (1660 год), государева дворца в селе Коломенском (1670 год). В свою очередь, частыми гостями Вологды второй половины XVII века были ярославские мастера. Именно артель иконописцев-ярославцев под руководством знаменитого Дмитрия Плеханова прославилась росписями главного храма Вологды — Софийского собора, выполненными в 1686–1688 годы.

На вторую половину XVII века приходится расцвет каменного строительства в городе. Вологжанами была создана чудесная Цареконстантиновская церковь с шатровой колокольней, здание Судного приказа, стены и башни Архиерейского двора, мощные крепостные сооружения Спасо-Прилуцкого монастыря...

Достаточно быстро после Смуты были восстановлены и торгово-промышленные связи с Холмогорами и Архангельском, Москвой, городами Поволжья. Рост доходов принесло развитие торговли с Уралом и Сибирью, самый удобный путь к которым лежал через Вологду. Доходили предприимчивые вологодские купцы даже и до границы «Поднебесной империи» — Китая. Некоторые крупные вологодские купцы второй половины XVII века стали членами

114

«гостиной сотни» — высшего разряда российского купечества, который по своему статусу приравнялся к именитым придворным сановникам. Среди таковых был известный «торговый гость» Гавриил Мартинович Фетиев, который вел дела во многих городах России, был известен в Москве. Купец лично знал влиятельнейших бояр — В. В. Голицына, И. М. Милославского и других.

Выгодное географическое положение Вологды, как и прежде, обеспечивало постоянный приток товаров на вологодский рынок со всей России. Прежде всего отметим крупнооптовые партии товаров москвичей, нижегородцев, ярославцев, предназначенные для отправки в Архангельск и далее — за море. Для обслуживания стольного (в большинстве своем) купечества вологжане выстроили новый большой Гостиный двор, который находился теперь (примерно с 1620 года) в стенах крепости, в районе современной Торговой площади. Здесь разместился и самый большой городской рынок. В отличие от спокойной деловитости приказчиков именитых гостей у «государевых амбаров» Гостиного двора, на рынке господствовала стихия повседневного и шумного торгова. Здесь можно было купить все необходимое, а главными действующими лицами были мелкие лавочники да крестьяне близлежащих деревень. Особую группу торговых мест, расположенных по всему городу, составляли лавки и склады небольших вологодских монастырей, например Ильинского. Но были и гораздо более солидные продавцы: представители Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Антониево-Сийского и других северных монастырей. Соловецкая и Кирилло-Белозерская обители отстроили в первой четверти XVII века в Вологде свои каменные подворья, в помещениях которых складировались подвозимые запасы их главного товара — соли с варниц Тотьмы, Сольвычегодска и других северных городов.

*Церковь Константина и Елены
(Цареконстантиновская),
построенная около 1690 года*

115

*Русская монета. Гравюра из книги
«Путешествие А. Олериая». 1656 год*

Среди заморских товаров был и один новый для россиян — табак. Отношение к нему на Руси в XVII веке было примерно такое же, как сегодня к наркотикам: был этот зловредный товар «заповедным» — запрещенным для ввоза и употребления. В 1634 году вышел царский указ, подтвержденный позже Соборным уложением: «на Москве и в городах о табаке заказ учинен крепкой под смертную казнью, чтобы нигде русские люди и иноземцы всякия табак у себя не держали и не пили, и табаком не торговали. А кто русские люди и иноземцы табак учнут держати, или табаком учнут торговати... за то чинити наказание болшее бес пошлады, под смертною казнью, и дворы их и животы имая, продавати, а денги имати в государеву казну».

Борьба с зельем велась и в Вологде. Здесь осенью 1639 года произошел, например, такой инцидент: на двор к «англинским немчинам»-купцам «для табачного сыску» пришли Осип Хлопов, подьячий Федор Дурышкин и посадские люди. Но англичане амбары осмотреть не позволили, а гостей встретили совсем не ласково — заперли ворота, «и вышел к ним с шпагами и с пистолми» и «собаки с чипей на них спустили». И на другом, и на третьем «англинском дворе» история повторилась. А когда послали стрельцов перелезть через забор и отпереть ворота, то «немцы учиня силу стрельцов с забора и с ворот сбили... и на двор не пустили». Через два месяца, впрочем, посадские «со многими людьми» устроили настоящий погром, как на дворах некоторых иноземцев, так и на «судах их под горою», но вот «табаку обыскивая не нашли», а расследованием самоуправства посадских занялись компетентные органы.

К концу века, однако, стало ясно, что бороться запретами со все более распространяющимся «зельем» бесполезно, и Петр I торговлю табаком легализовал. В 1697 году был издан указ о том, чтобы «на Вологде продавать табак и торговать явно», но только в специально отведенном месте — «на постоялом дворе подле кабака», взимая пошлину в пользу государя. Однако присланный от московских купцов для торговли табаком Иван Иванов сын Фандорт начал продавать табак не только там, где позволял царский указ, — за городом, на кружечном дворе, где «в нынешнее летнее время днем и ночью с огнями сидят и ходят и табак пьют беспрестанно без всякого опасения», но и там, где было скопление народа, — у церквей по воскресным дням, чем приводил прихожан в смущение.

116

Крупным торгово-хозяйственным комплексом вологодской округи являлся Спасо-Прилуцкий монастырь. Основной доход монастырю приносила скупка и продажа соли. На берегу Вологды, ниже устья Золотухи, расположилось его обширное каменное подворье, где старцы монастырские и торговые приказчики обители вели оптовую продажу этого важнейшего товара. Монастырь имел также свои кожевенные мастерские и кузницы. С конца 1640-х годов братия обители в совершенстве освоила новое доходное и полезное дело: монастырь стал крупнейшим производителем кирпича в Вологодском крае. К концу XVII столетия монастырские заводы (они скромно назывались «сараями» и находились в малообжитой части Заречья) и зависимые монастырские крестьяне вручную производили до одного миллиона (!) кирпичей в год, поддерживая таким образом «моду» на каменное строительство в Вологде.

Образ Вологды XVII столетия, как центра торговли и промышленности, не будет полным, если мы не скажем о «торговых людях иноземцах»: «англинских немцах», «галанцах», «свеях» и просто «немчинах». Семнадцатое столетие, особенно его последнюю четверть, можно назвать временем наивысшего расцвета в Вологде дворов иностранных торговых людей. Эти дворы, являвшие собою совокупность хозяйственных и жилых построек, обычно принадлежали крупным торговым компаниям. В 1627 году их было одиннадцать, причем преобладали дворы предприимчивых голландцев. Представительства иноземных компаний мелким оптом не занимались. Устойчиво высокую прибыль на русском рынке им приносила крупнооптовая скупка и продажа товаров, ассортимент которых, впрочем, в сравнении с XVI веком изменился мало: из Европы везли оружие, вина, драгоценности; а в Вологде к следующей навигации скапливались меха, ценная рыба из Астрахани (осетры, белуга), пенька, канаты, поташ, деготь и другие русские товары.

Многие иностранцы — торговые представители европейских фирм — жилали в городе подолгу, случалось, что и не один десяток лет. Вологжане, как правило, их хорошо знали и даже называли по-своему, на русский манер: Ждан Блядвин, Иван Азборн, Томас Рыцарев, Елисей Нос... Взаимоотношения иностранцев и вологжан были довольно сдержанными: мешала «иная» вера, различие вкусы и привычки. Камнем преткновения были и широкие торговые привилегии «немцев» и налоговые льготы. Кроме того, многие из иностранных купцов имели связи в Москве и зачастую отказывались подчиняться местной администрации. Впрочем, в начале 20-х годов XVIII века присутствие представителей западно-европейского делового мира в Вологде сошло на нет. Серия указов Петра I ограничила архангельскую торговлю бассейном Северной Двины. Вологда потеряла свое бывшее исключительно выгодное торговое положение и перестала интересовать Европу: дворы иностранцев опустели. Зримой памятью о былом пребывании «немцев» в Вологде остался небольшой каменный домик купцов Гутманов на набережной, названный впоследствии вологжанами «Петровским».

В историко-краеведческих исследованиях до сих пор не восстановлена в полной мере картина жизнедеятельности вологодской городской посадской общины. Но известно, что большую роль в управлении Вологдой, как, впрочем, и других городов Русского Севера, играли выборные должностные лица: земские старосты, целовальники, таможенные головы.

Важной особенностью XVII века стало заметное усиление влияния прямых назначенцев государя — воевод. Становление системы воеводского правления было связано с событиями Смутного времени. Городские общины остро нуждались в профессиональных военных и администраторов, которые бы осуществляли надзор за соблюдением государственных интересов и одновременно «блюди», охраняли город. Но в дальнейшем «временные» меры, как

Глиняные курительные трубки «турецкого» типа из раскопок И. П. Кукушкина в Вологде. Вологодский археолог Н. Г. Недомолкина датирует их XVIII — началом XIX века

часто бывает, получили постоянную (в том числе и законодательную) основу: воеводы — управленцы и администраторы — вместе со своим «аппаратом» (дьяк — глава канцелярии, подьячие — его подчиненные, целовальники, таможенные головы, почтальоны-«розсыльщики», палачи) подменили органы местного самоуправления.

Заметное место в городском населении занимали служители Архиерейского двора — самого крупного хозяйственно-административного учреждения Вологды. Двор включал в свою структуру два приказа (Казенный и Судный) и многочисленные «службы»: ризницу, просвирни, поварни, конюшни, житницы, погребя, мастерские, сторожевую службу, библиотеки. Среди его служителей, общее число которых превышало полторы сотни человек, — приказный, дьяки, подьячие, певчие, архиепископские дети боярские, стряпчие и многочисленные дворовые люди. Архиерейский двор был не только сложным хозяйственно-управленческим организмом, но и важнейшим проводником государственной и церковной политики, культурно-духовным центром города и всего края.

Итак, до настоящего времени сохранилось довольно много свидетельств об устойчивом, поступательном развитии Вологды в XVII столетии, о ее повседневной жизни и культуре. Однако бывали в истории города и трудные времена, воспоминания о которых оставили глубокий след в памяти вологжан.

Несмотря на успешное развитие хозяйства, торговли и промыслов жизнь вологжан и жителей ближайшей округи еще в эпоху позднего средневековья во многом зависела от капризов северной природы. «Хлебные недороды» и следовавшие за ними голодные годы были, увы, весьма частым, периодически повторяющимся явлением. Да и в относительно благоприятные урожайные годы рацион питания среднего вологжанина вряд ли отличался богатством и разнообразием. Примерно треть года составляли вынужденные «разгрузочные» дни со скудным питанием. Как правило, они совпадали с церковными постами. Последние, правда, чередовались с относительно богатыми застольями в дни общерусских и местных христианских праздников, составлявших также добрую треть годового цикла. Иногда неурожайные годы и следовавший за ними голод принимали масштабы всенародного бедствия. Надолго запомнилась вологжанам «великая хлебная скудость» 1671 года. Своеобразным памятником этого несчастья являются стены и башни Архиерейского двора. Они были возведены в 1671–1675 годах при архиепископе Симоне, который пошел на организацию широких общественных работ, чтобы дать работу и пропитание голодающим горожанам и крестьянам близлежащих деревень, во множестве прибывавших в город в поисках пропитания. «Ограда каменная, — отписывал преосвященный в Москву, — состроилась по воле Всесильного Бога, в гладное время небольшой казной, и многие православные христиане работали из хлеба, безденежно».

Чтобы хоть как-то сгладить острые социальные противоречия, возникавшие в тяжелое, голодное время, вологодским архиепископам приходилось (и не однажды) прибегать к мерам морального воздействия на паству. Известно, что во второй половине XVII века у стен Софийского собора проводился обряд инсценировки Страшного суда. Религиозное действо включало в себя сложное, но очень важное для человека того времени повествование о грядущем «последнем дне» грешного мира, символически описанном в Библии, малодоступной для понимания малограмотного большинства. Для побуждения горожан к взаимному милосердию, состраданию и помощи под открытым небом за алтарем собора сооружалось возвышенное место, на которое ставилась икона «Страшного суда» и вода для освящения. В этот же день устраивался крестный ход, читались соответствующие места из Евангелия...

Другой напастью, державшей в постоянном напряжении население средневековых русских городов, являлись частые пожары. Вологда, вплоть до первой половины XX столетия остававшаяся преимущественно деревянной, естественно, не была исключением. Огнем уничтожались целые улицы и слободы, деревянные храмы и торговые места. В местных летописях, мирских челобитных,

117

Палаты Казенного приказа Архиерейского дома (Экономский корпус). Это двухэтажное здание, построенное в 1657–1659 годах в традициях древнерусской архитектуры, положило начало гражданскому каменному зодчеству в Вологде. Первоначально в здании, очевидно, располагалась резиденция архиепископа. В одной из палат стены были покрыты орнаментальной росписью. В последней четверти XVII и в XVIII веке палаты стали местом службы чиновников вологодского архиепископа. Здесь же, в мезонине, хранилась казна и важнейшие документы. В нижнем (подклетном) этаже располагались хранилища припасов — погребя и ледник

118

Юго-западная башня Архиерейского двора

Из отписки архиепископа Вологодского и Белозерского Симона митрополиту Сарскому Павлу и митрополиту Рязанскому Иллариону о голоде зимы 1671/1672 годов:

«Что ныне у нас во граде Вологде и в вельсех (деревнях. — Р. Б.) от великого гладного нестерпимаго томительства чинится: матери детей своих в реку и по улицам мечют, а иные сами и с детьми своими топятца; и это еще по зимнему пути, а впрядь что и будет? Многие будут живы[е] во гроб вселятися; а странноприимница (убогий дом. — Р. Б.) уж и то вся тех, от гладу скончавшихся, наполнилась. И на то их гладное томительство зря, — увы и горе!»

Суворов И. В. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии. Вологда, б/г. С. 102–103.

Запись в Вологодской летописи, составившейся в конце XVII – начале XVIII века, о строительстве обыденного храма: «В лето 7163-го (1654. – А. С.) октября в 18 день святого апостола и евангелиста Луки поставили единокровный храм во имя Всемилостиваго Спаса Смоленскаго на Вологде на Старой площадке, а почели рубить против 18-го числа октября в нощи в 6-м часу, а клали светочи и, зажигав скалы на батогех, светили светло, и срубили за 2 часа до дни, а сомишли в 2 часа, святить почели в 5-м часу дни, а освятили на последнем часу дни. И виде Господь Бог веру и моление раб своих, и покаяние слепное о своих согрешениях, и тои великий гнев свой на милость преложи и моровую язву утоли».

Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 177.

Сутки тогда делили на 24 «часа» – по 12 в дне и в нощи. Отсчет «часов» нощи начинался с заката, а «часов» дня – с восхода солнца. Октябрьский день длится только 9 часов, и длительность ночного «часа» превышала длительность «часа» дневного в 1,6 раза (один час 15 минут и 45 минут соответственно). Восстановим ход событий по современным часам: строительство началось около полуночи, и к половине шестого утра сруб был готов. Вскоре после полудня была завершена отделка и началось освящение церкви, длившееся до захода солнца – приблизительно до 17 часов.

Обыденный Спасский храм, скорее всего, выглядел скромно – может быть так, как эта часовня «клетского» типа, собранная вологжанами также за один день (19 августа 2000 года) на территории архитектурно-этнографического музея под Вологдой

119

отписках вологодских воевод и в иных документах зафиксировано до десятка крупных и средних «огненных запалений», по терминологии того времени, «Божиим попушением посетивших» Вологду в XVII и начале XVIII века. Так, например, местный летописец отмечает большой пожар 1632 года: весь город «опричь (кроме. – Р. Б.) дальних посадов погоре». Добавим, что город неоднократно горел и во второй половине XVIII века – в 1762, 1769, 1773, 1774 годах.

За голодными годами и «пожарными» временами неотступно следовали и повальные эпидемии – этот поистине «бич Божий» европейского Средневековья. Так, «посещение» Вологды в 1654 году «моровой язвой» (вероятно – бубонной чумой) стало одним из самых страшных событий в многовековой истории города. Не случайно именно в это время была основана, наверное, самая необычная из городских церквей, известная под названием «Спас Однодневный» (или же «Спас Обыденный»).

О постигшем Вологду в 1654 году несчастье рассказывает пространное вологодское «Сказание о построении храма во имя Спасителя за один день для избавления от смертоносной болезни». В нем рассказывается, что в сентябре месяце напала на город и окрестные села страшная болезнь. Так много людей умирало, что мертвые тела видны были везде – на улицах и в домах. Священники едва успевали отпевать умерших и не брали за это никакой платы. Во многих домах умирали все – взрослые и дети. Не было в городе ни воровства, ни злости, но люди помогали друг другу. Торговля и все работы прекратились, люди пошли в церкви молить Бога о прощении грехов и избавлении от болезни. Вологжане решили построить всем городом за один день – 18 октября – деревянную церковь во имя Спасителя и молить о избавлении от смерти. В начале суток, в темноте нощи при свете горящей бересты началась работа. Множество людей с радостью пришло на место строительства: кто привозил бревна, кто рубил их, кто укладывал на стену. Утром стены были уже готовы, только не отесаны внутри. В новую церковь принесли иконы из нескольких церквей. Архиепископ Маркелл к вечеру освятил церковь. Всю ночь молились вологжане о спасении. С этого дня, согласно «Сказанию», жители Вологды были избавлены от болезни.

Через четыре дня, 23 октября 1654 года, один вологодский иконописец также «обыденно» написал для новой церкви икону Спасителя. Сохранилась древняя рукопись с обетным приговором жителей Вологды, обещавших вечно содержать построенный храм всем городом – «всеградски». И вологжане особо почитали образ Спаса и обыденный храм. В 1688–1698 годах на этом месте была построена большая каменная церковь во имя Спаса. Причем маленькая деревянная церковь, драгоценная для горожан, продолжала стоять внутри строящегося здания.

Вологда не была единственным городом своего времени, где в страшные дни эпидемий строились «обыденные храмы» и «обыденно» писались иконы. Неоднократно случалось это в Москве и во многих городах Северной Руси, например, Устюге (в 1447 году) и Сольвычегодске (в 1571 году), но, пожалуй, нигде память об их создании не сохранялась столь долго, как в Вологде. День постройки обыденного храма, 18 октября, отмечался вологжанами как общегородской праздник. С 1895 года Спасо-Всеградский храм стал именоваться собором. В годы Советской власти собор оказался закрыт одним из первых и был снесен последним из числа разрушенных церковных зданий. Ныне на площади Революции на месте, где располагался алтарь утраченного памятника вологодской истории, стоит поклонный крест.

Собор Спасителя (Спасо-Всеградский собор).
Открытие 1909–1917 годов.

Вологда: Издательство Е. Тарутиной

120